

DOI: [10.14515/monitoring.2022.5.2137](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2137)

А. В. Быков, А. И. Нарская

ЗАКОН, МОРАЛЬ И МАШИННОЕ ОБУЧЕНИЕ: ВЗГЛЯД СУДЕЙ НА СУЩНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОБОТИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ

Правильная ссылка на статью:

Быков А. В., Нарская А. И. Закон, мораль и машинное обучение: взгляд судей на сущность и перспективы роботизации правосудия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 278—298. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2137>.

For citation:

Bykov A. V., Narskaya A. I. (2022) Law, Morality, and Machine Learning: Judges' Perspective on the Essence of Justice and the Prospects of Its Robotization. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 278–298. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.5.2137>. (In Russ.)

Получено: 14.12.2021. Принято к публикации: 08.09.2022.

ЗАКОН, МОРАЛЬ И МАШИННОЕ ОБУЧЕНИЕ: ВЗГЛЯД СУДЕЙ НА СУЩНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОБОТИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ

БЫКОВ Андрей Вячеславович — кандидат социологических наук, доцент кафедры анализа социальных институтов Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: a.bykov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8391-8674>

НАРСКАЯ Александра Игоревна — независимый исследователь, Москва, Россия
E-MAIL: alexandranar25@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4226-0372>

Аннотация. Статья посвящена проблеме проявления моральных и правовых норм в практике осуществления правосудия, а также перспективам роботизации судебной системы в контексте неоднозначности соотношения двух типов нормативных систем. Для пояснения указанных вопросов авторы обращаются к точке зрения профессиональных судей, чьи взгляды относительно данных явлений до настоящего времени не получили в литературе должного внимания. С этой целью анализируются ключевые определения права и морали, а также приводится краткий обзор теоретических взглядов на природу их взаимоотношений, в основном в традиции философии права. С опорой на последние исследования обсуждаются перспективы роботизации производства моральных и правовых

LAW, MORALITY, AND MACHINE LEARNING: JUDGES' PERSPECTIVE ON THE ESSENCE OF JUSTICE AND THE PROSPECTS OF ITS ROBOTIZATION

Andrey V. BYKOV¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department for Social Institutions Analysis, School of Sociology; Research Fellow
E-MAIL: a.bykov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8391-8674>

Alexandra I. NARSKAYA² — Independent Researcher
E-MAIL: alexandranar25@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4226-0372>

¹ HSE University, Moscow, Russian Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

² Moscow, Russia

Abstract. The article deals with manifestations of moral and legal norms in the practice of justice, as well as the prospects of robotization of the judicial system through the lens of the relationship between the two types of normative systems. To clarify these issues, the authors address the perspective of professional judges, whose views on these phenomena have not received much attention in the literature so far. First, we analyze the key definitions of law and morality and provide a brief overview of theoretical views on the nature of their relationships, mainly in the tradition of the philosophy of law. Further, based on the latest interdisciplinary research, we discuss the prospects of robotization of making moral and legal evaluations and analyze some of the key problems in this sphere. In the second part of the article,

оценок, а также анализируются некоторые важные проблемы в этой области. Во второй части работы авторы представляют и обсуждают результаты собственного исследования взглядов профессиональных судей на проблему соотношения права и морали, а также перспективы роботизации правосудия, выполненного при помощи полуструктурированных интервью. Полученные данные интерпретируются с точки зрения их вклада в теоретические дискуссии о природе морали и права, а также потенциального практического применения формализованных алгоритмов для вынесения судебных решений.

Ключевые слова: алгоритмы, мораль, право, роботизация, судебная система

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке НИУ ВШЭ, проект «Этика и право: соотношение и механизмы взаимовлияния».

Введение

В области философской этики уже многие сотни лет не утихают споры о сущности понятий морали и права, а также о том, в какой степени эти явления можно считать взаимосвязанными [Hart, 2012; Dworkin, 1986]. И если едва ли следует ожидать окончательного решения старой теоретической проблемы соотношении правовых и моральных систем, то можно с некоторой долей уверенности предположить, что практикующие юристы не менее склонны к рефлексии по этому поводу. Вероятнее всего, это связано не столько с участием в отвлеченных философских дискуссиях, сколько с непосредственным столкновением моральных и юридических норм в контексте их профессиональной деятельности [Travers, 1993]. В этом смысле особый интерес представляют судьи. Несмотря на то что их деятельность строго регламентирована законом и предполагает ориентацию исключительно на правовое поле, в ходе разбирательства и вынесения решения так или иначе проявляют себя обе нормативные системы.

Кроме того, дополнительную сложность указанной проблеме придают стремительные технологические изменения, происходящие в последние годы и заключающиеся, в частности, во все возрастающем применении искусственного интеллекта в самых разных сферах социального взаимодействия. Процессы цифровизации и алгоритмизации так или иначе затрагивают как сферу принятия

we present and discuss the results of our study conducted using semi-structured interviews. We analyze professional judges' perceptions of the relationships between law and morality, as well as the prospects for the robotization of justice. Our results contribute to theoretical discussions about the nature of morality and law, as well as the potential practical application of formalized algorithms for making court decisions.

Keywords: algorithms, morality, law, robotization, judicial system

Acknowledgments. The study was supported by HSE University, the project "Ethics and Law: correlation and mechanisms of mutual influence".

моральных решений, так и сферу правосудия, порождая целую массу вопросов о том, насколько сам характер морали и права как специфических нормативных систем в принципе поддается формализации и как далеко она в итоге может зайти (см, например, [Tsamados et al., 2021; Lo Piano, 2020]). В связи с этим нам представляется необходимым обратиться к точке зрения судей и понять, каким образом их восприятие соотношения правовых и моральных принципов вынесения судебного решения связано с оценкой перспектив роботизации судебной системы. На наш взгляд, существуют, как минимум, две основные причины для такого интереса, и обе они связаны с социологическим пониманием судей как специфической профессиональной группы.

Во-первых, именно судьи как профессионалы являются носителями явного и неявного практического знания [Абрамов, 2015] относительно применения правовых и моральных норм в ходе вынесения решения — в этом смысле обращение к их опыту позволяет уйти от формализма и декларативных утверждений о безусловной ориентации исключительно на тексты соответствующих кодексов в сторону более глубокого понимания принципов работы института правосудия. Судьи, обладая специфическими техническими и этическими компетенциями, способны в качестве экспертов обсудить перспективы автоматизации правосудия через рефлексию соотношения правовых и моральных норм в ходе принятия судебного решения, а также, основываясь на практическом опыте, оценить необходимость участия человеческого субъекта в этом процессе. Обращение к их точке зрения, таким образом, представляется важным в контексте дальнейшей дискуссии относительно перспектив и пределов (в том числе морально-этических) использования формализованных алгоритмов в юридической сфере.

Во-вторых, что не менее важно для социологов, намечающиеся процессы роботизации правосудия отражают более общий кризис современного профессионализма, связанный с утратой профессионалами своей агентности и возможностей самоуправления, ориентацией на навязанные извне показатели эффективности [Абрамов, Быков, 2021]. Одной из сторон этого кризиса выступает возрастающее применение формализованных машинных алгоритмов, которые, вкупе с очевидными преимуществами, подменяют собой процессы принятия решения человеком, что в предельном случае находит свое выражение в понятии «аллократии» [Шевчук, 2020]. Сегодня перспективы исчезновения или, как минимум, серьезной трансформации многих традиционных профессий и занятий (бухгалтеров, переводчиков, водителей и целого ряда других) под влиянием развития цифровых технологий вовсе не кажутся фантастической утопией. Судьи также представляют собой потенциально уязвимую группу, поскольку, несмотря на фундаментальный для общества статус этой профессии, появляется все больше свидетельств, что машинные алгоритмы могут вполне успешно выполнять их функцию [Medvedeva et al., 2020; Sert et al., 2021]. В настоящем исследовании мы стремимся понять, как сами судьи оценивают перспективы роботизации своей профессии и как это связано с их представлениями о роли человеческого субъекта в производстве правовых и моральных оценок.

Статья организована следующим образом. Вначале мы даем общую характеристику морали и права как специфических нормативных систем и кратко анали-

зируем различные взгляды на проблему их соотношения, в том числе в контексте деятельности судей. Затем мы отдельно рассматриваем некоторые исследования, посвященные возможностям и перспективам роботизации вынесения моральных и юридических оценок, для того чтобы описать текущее состояние этого поля и выявить ключевые проблемы его развития. Далее мы представляем результаты эмпирического исследования мнения судей о роли правовых и моральных норм в их профессиональной деятельности в контексте ее возможной роботизации. Исследование выполнено в качественной традиции при помощи метода полуструктурированных интервью. В заключении мы обобщаем полученные результаты и интерпретируем их с точки зрения продолжения дискуссии о содержательных проблемах применения автоматических алгоритмов в правовой системе.

Мораль и закон: проблема соотношения

Дать точное определение морали довольно трудно, однако считается, что это понятие так или иначе соотносится с базовыми оценочными категориями «хорошего» и «плохого», «правильного» и «неправильного» [Hitlin, Vaisey, 2013], выступая, таким образом, в качестве наиболее фундаментальной и вместе с тем наиболее диффузной нормативной системы. В связи с понятием морали в литературе также часто возникают понятия справедливости и универсализма [Rawls, 1971; Kohlberg, 1981], а иногда и понятие прав (например, [Turiel, 1983]) в широком смысле — «естественных», а не юридических. Предельно обобщая разнообразие концептуальных и экспериментальных исследований механизмов производства моральных суждений, можно сказать, что в моральных оценках важную роль играют как рациональные рассуждения, так и интуитивные процессы [Haidt, 2008; Greene, 2013]. Кроме того, существенной составляющей человеческой моральной способности, которая в значительно степени обуславливает моральное поведение, выступают эмоции — такие как гнев, отвращение, сострадание, стыд и вина [Tangney et al., 2007]. Мораль, таким образом, описывает сложный комплекс явлений, включающих когнитивные, нормативные, эмоциональные и поведенческие компоненты, связанные с представлениями людей о должном и недопустимом.

Понятие права, или закона (в юридическом смысле), на первый взгляд, представляет меньшую трудность для определения, поскольку, в отличие от морали, относится к эксплицитно сформулированным и письменно зафиксированным нормам, источниками и гарантами которых выступают государственные институты — по крайней мере, если речь идет о более-менее современных обществах (но ср. [Benson, 1988]). Хотя среди философов и правоведов уже не одну сотню лет ведутся дискуссии об уточнении понятия права и его различных видов (например, [Bigelow, 1905., Мока-Мубело, 2017]), наиболее интересная для нас здесь проблема соотношения закона и морали также выступает одним из ключевых предметов теоретического анализа. Так, один из ведущих теоретиков правового позитивизма Г. Харт [Hart, 2012] утверждал, что, несмотря на очевидную взаимосвязь обеих нормативных систем, право в целом несводимо к морали и должно анализироваться и применяться безотносительно к последней. Другие авторы — например, Р. Дворкин [Dworkin, 1986], напротив, акцентировали внимание на том,

что мораль и закон с необходимостью связаны, и в этом смысле интерпретации правовых норм на предмет соответствия моральным принципам не менее важны, чем само содержание закона. Л. Фуллер [Fuller, 1969] полагал, что право фундаментально отражает заложенные в нем моральные нормы, а в случае, если это не так, право, по сути, просто не может считаться таковым.

Из подобной неопределенности и неоднозначности относительно общего соотношения морали и права вытекают и различные трактовки функции судьи как правоприменителя. Согласно подходу Дж. Уолдрона, судьи в ходе вынесения решения выступают в качестве «моральных рассуждателей» (moral reasoners) — с той важной поправкой, что их рассуждения касаются не собственных поступков, а того «что должно быть сделано во имя всего общества» [Waldron, 2009: 5]. П. Вальд [Wald, 1986] в контексте феминистского подхода (основываясь в том числе на идеях К. Гиллиган [Gilligan, 1982] об отличии женских моральных представлений от мужских) развивает идею о необходимости учета общезначимых моральных принципов в деятельности судей. Если встать на позицию, исходя из которой судьи в процессе правоприменения в значительной степени транслируют обыденные моральные взгляды, то придется согласиться с тем, что это относится и к моральным предубеждениям (например, [De Freitas, Johnson, 2018]). А это, в свою очередь, несет прямую угрозу самой идее беспристрастного правосудия. В то же время есть экспериментальные данные о том, что опыт профессиональной юридической практики, в том числе судейской, позволяет преодолеть по крайней мере некоторые из таких предубеждений [Baez et al., 2020]. Таким образом подчеркивается важность специальных компетенций в принятии правовых решений.

Вместе с тем дополнительную сложность проблеме соотношения моральных и правовых механизмов в осуществлении правосудия придает наметившаяся в последние годы тенденция к автоматизации принятия решений, которая проявляется, в частности, в попытках понять, насколько компьютерные алгоритмы способны справляться с вынесением моральных и юридических оценок без участия человека. Успехи в развитии технологий искусственного интеллекта позволяют вполне обоснованно предположить, что в недалеком будущем компьютерные программы и роботы вполне смогут принимать самостоятельные моральные и правовые решения. Такая ситуация, конечно, порождает целый ряд этических, социальных и юридических сложностей. В следующих разделах мы кратко опишем некоторые из последних исследований автоматизации вынесения нормативных суждений.

Роботизация морали

Пожалуй, наиболее известная практическая проблема, указывающая на необходимость самого серьезного отношения к роботизации морали, связана с относительно недавним появлением и активным тестированием беспилотных автомобилей, что вкпе с известной печальной статистикой смертности в ДТП позволяет поставить вопрос о моральной системе, которой такой автомобиль должен руководствоваться в (неизбежных) критических ситуациях. Так, в одном из наиболее известных проектов по данной теме в совокупности было опрошено более 3 млн человек [Shariff et al., 2017] и в результате выяснилась неоднознач-

ность мнений. С позиции социетальной морали автомобиль должен принимать решения на основании этического утилитаризма (то есть беспристрастно ориентироваться на общую минимизацию негативных последствий своих действий), но, будучи поставленными в ситуацию пассажира/потенциального покупателя, опрошенные хотели, чтобы автомобиль действовал исходя из приоритета их собственной безопасности [Bonneton et al., 2016; Frank et al., 2019]. Подобные результаты, вместе с известным недоверием людей к решениям даже качественных алгоритмов [Dietvorst et al., 2015], показывают, что практическое внедрение подобных технологий едва ли сможет пройти в условиях сколь-нибудь заметного морального консенсуса.

То же самое можно сказать и по отношению к оценке моральных последствий применения любых автоматических алгоритмов, даже если их потенциальный вред не столь очевиден — например, платформ для заказа такси, работа которых может приводить к несправедливому вознаграждению водителей [Bokányi, Hannák, 2020]. Авторы недавней аналитической работы [Tsamados et al., 2020], обсуждая этические вопросы применения алгоритмов, выделяют два общих класса проблем — эпистемические и, собственно, нормативные. Первые относятся к сомнениям относительно качества данных, которые алгоритмы машинного обучения используют для выработки решений, имеющих потенциальную моральную значимость. Нормативные же проблемы связаны непосредственно с моральными следствиями действий искусственного интеллекта — отсутствием прозрачности, несправедливыми распределениями или ненамеренным причинением вреда. Все это выливается в очень важную проблему «отслеживаемости» цепочки событий, приведших к нежелательному результату, из-за чего становится «затруднительно определить конечную причину действия и приписать за него моральную ответственность» [Tsamados et al., 2020: 2]. По этой фундаментальной причине автоматизация традиционно связанных с человеческой субъектностью процессов рискует столкнуться с довольно серьезным сопротивлением, причем это касается как моральных, так и правовых оценок. Тем не менее появляется все больше свидетельств того, что применение искусственного интеллекта в судебной системе имеет потенциал.

Роботизация правосудия

Помимо широко обсуждаемых моральных последствий внедрения беспилотных автомобилей, С. Ло Пиано [Lo Piano, 2020] среди наиболее актуальных с точки зрения применения технологий машинного обучения областей выделяет правосудие. Он указывает, в частности, что алгоритмы уже довольно продолжительное время используются в американской судебной практике для вспомогательных задач — например, оценки рисков рецидива после определенных преступлений. Кроме того, алгоритмы все шире используются для автоматизации рутинных процессов юридической и судебной практики [Branting et al., 2021]. При этом все больше исследований посвящается оценке если не возможности непосредственного участия искусственного интеллекта в вынесении судебного вердикта, то, как минимум, его способности предугадывать решения профессиональных судей.

Технологии искусственного интеллекта в области судебной системы развиваются стремительно, причем это касается как разработки алгоритмов извлечения

информации из юридических текстов [Thomas, Sangeetha, 2021], так и попыток использовать эти алгоритмы для предсказания решений судьи-человека. Так, группа исследователей использовала базу данных дел, рассмотренных Европейским судом по правам человека, для обучения алгоритма, который в результате смог предсказывать решение судьи с точностью до 75 % [Medvedeva et al., 2020]. Уровень точности, однако, незначительно падал до 65 % в случаях, когда для предсказания решения алгоритм использовал исключительно фамилию судьи. Это, помимо прочего, может свидетельствовать о заметном влиянии личностных свойств человека на вынесение приговора. И хотя авторы специально оговаривают [Medvedeva et al., 2020: 263], что не пытались создать алгоритм, который смог бы заменить судью-человека, данные о неплохой предсказуемости судебных решений позволяют говорить о принципиальной возможности применения такой технологии. Другие исследования также свидетельствуют, что некоторые алгоритмы машинного обучения способны предсказывать судебные решения с точностью до 90 % [Sert et al., 2021].

Несмотря на подобные результаты, А. Заврзник [Završnik, 2021] обращает внимание на многочисленные проблемы, связанные с практическим применением алгоритмов в вынесении судебного решения — от фундаментальной неполноты доступных для обучения данных до зависимости даже сугубо «технических» вопросов (например, о качестве той или иной математической модели) от человеческих оценок. Отдельную проблему составляет необходимость объяснить принятое решение, которая исключительно важна для судебной системы, но на которую совершенно не нацелены методы машинного обучения [Branting et al., 2021]. Так или иначе, помимо чисто технических затруднений, исследователи склонны увязывать проблему роботизации правосудия с необходимостью придания человеческого смысла принятому по формальным и зачастую неинтеллигидельным основаниям решению. Это общий момент для моральных и правовых оценок, причем, на наш взгляд, без более пристального внимания к соотношению обеих нормативных систем в процессе принятия судебного решения его автоматизация рискует столкнуться с еще большими трудностями и вызвать более серьезные последствия. Наше собственное исследование позволяет сделать некоторый вклад в дальнейшее осмысление перспектив роботизации правосудия в контексте соотношения морали и права в реальной судейской практике.

Задачи исследования

В отличие от работ, в фокусе которых находится разработка, тестирование и критика алгоритмов производства нормативных оценок, в данном исследовании мы сосредоточимся на прояснении того, как сами судьи видят перспективы роботизации правосудия и в какой степени это связано с их точкой зрения относительно роли общих моральных норм в вынесении судебного решения. Мы рассматриваем судей как носителей специфических профессиональных компетенций, чей непосредственный опыт принятия судьбоносных решений позволит понять механизмы производства правосудия «изнутри». Последнее поможет прояснить, в какой степени судебные решения основываются не только на юридических нормах, но и на моральных представлениях судей. Мы также полагаем, что исследова-

ние мнений российских судей позволит по-новому взглянуть на «старую» проблему соотношения морали и права, многие ключевые работы по которой выполнены в контексте англо-саксонской правовой традиции. Наконец, в отличие от ученых в области искусственного интеллекта, занимающихся разработкой программных алгоритмов, практикующие судьи могут поделиться важным неявным знанием о реальном процессе вынесения приговора, что будет способствовать лучшему пониманию перспектив роботизации как судебной системы в целом, так и отдельных ее составляющих.

Ключевые исследовательские вопросы, которые нас интересовали, могут быть сформулированы следующим образом:

- На что, помимо буквы закона, ориентируются судьи при рассмотрении дела?
- Как они оценивают влияние моральных норм на вынесение решения?
- Насколько серьезно судьи эмоционально вовлекаются в судебный процесс и как это соотносится с их взглядами на соотношение морали и права?
- Видят ли судьи в этой связи возможности для полной или частичной роботизации судебной системы?

Метод

Исследование выполнено в качественной традиции при помощи метода полуструктурированных интервью. Выбор методологии обусловлен как спецификой выборки (см. ниже), так и характером интересующих нас данных: помимо некоторых деталей судебного процесса, нам была важна рефлексия судей относительно рассматриваемого круга вопросов, а также то, каким образом они обосновывают свои взгляды, к каким смысловым контекстам отсылают. Мы не применяли формализованных методов анализа полученных нарративов, вместо этого используя открытое и тематическое кодирование.

Выборка

В данном исследовании использована целевая выборка, для построения которой был применен метод «снежного кома», позволивший обеспечить доступ к закрытой и труднодостижимой группе информантов [Штейнберг, 2014], к которой относятся профессиональные судьи.

В итоговую выборку вошли 12 судей (7 мужчин и 5 женщин) в возрасте от 30 лет, в настоящем работающие в суде первой инстанции¹ либо не ранее года назад переведенные на работу в суды иной инстанции. Предпочтение в исследовании судей первой инстанции связано с их непосредственным участием в судебном процессе, где впервые выносится судебное решение по делу. Кроме того, в качестве информантов выступили судьи, рассматривающие судебные дела трех категорий: уголовные, гражданские и административные. Подобное разнообразие позволило изучить актуальные практики принятия судебного решения в рамках дел разной специфики.

Помимо заявленных выше критериев отбора информантов, опрошенные судьи имеют различный профессиональный бэкграунд. Большинство информантов начи-

¹ Инстанция — это позиция, которую занимает суд в судебной иерархии. Так, в судах первой инстанции дело рассматривают впервые. В судах второй инстанции рассматривают апелляции, а судах третьей инстанции — кассации.

нали профессиональный путь с занятия нижестоящих позиций в рамках судебной системы (например, с должности секретаря суда), методично продвигаясь вверх по карьерной лестнице, в то время как некоторые изначально были преподавателями юридических факультетов или сотрудниками в следственных органах. При этом все информанты получили высшее юридическое образование.

Кроме того, у опрошенных судей различаются и причины прихода в профессию. Одни называют ее высокий престиж, другие включены в профессиональную династию, третьих с раннего возраста интересовал процесс рассмотрения судебного дела, а четвертые попали в профессию случайно. Подобное многообразие профессионального опыта позволило получить большой разброс мнений информантов относительно изучаемой проблемы.

Инструментарий

Гайд полуструктурированного интервью включал следующие тематические блоки: вводный блок о пути в профессию судьи и текущих профессиональных задачах; блок о соотношении морали и закона при отправлении правосудия; блок о личных переживаниях, которые испытывают (или не испытывают) информанты при рассмотрении судебного дела; наконец, блок о потенциальной роботизации судебной системы и взгляде информанта на такую возможность (см. приложение).

Основные результаты исследования

Соотношение закона и морали в принятии судебных решений

Все судьи единодушны в том, что их деятельность предполагает строгое следование правовым нормам, а квалификация преступления и назначение наказания напрямую зависят от законодательства. Однако практически все информанты в той или иной степени признают, что этим дело не ограничивается и «вопрос морали мы так или иначе затрагиваем, потому что у нас даже есть категория „аморальное поведение“, например — категория чисто юридическая» (судья 4). Вместе с тем судьи определенно склонны видеть в своей деятельности моральное содержание, выходящее за рамки обозначенного в законе. По словам одного из информантов, «безусловно, судья обращается к своему личному моральному компасу. Поэтому к этому компасу и предъявляются такие повышенные требования от государства». Впрочем, он же поясняет: судья «должен все же в первую очередь руководствоваться законом, а потом уже решение принимать, конечно, на основании своего сердца, совести, разума и так далее» (судья 8). В целом для суждений информантов характерна некоторая двойственность, которая заключается во вполне ожидаемом декларировании приоритета закона и одновременном признании наличия личных моральных оценок, с которыми так или иначе соотносится принятое решение.

Это проявляется, в частности, в примерах, демонстрирующих рефлексию судей относительно соответствия права моральным нормам (это касается как самой сущности конкретных законодательных актов, так и суровости предусмотренных санкций). Например, один из информантов высказывает личное, морально-мотивированное несогласие с так называемым «законом Димы Яковлева», запрещающим усыновление российских детей гражданами США: «это аморально —

лишать возможности детей на светлое будущее в семье. Но это закон, я его уважаю. Если бы необходимо было его исполнять, я бы его исполнил» (судья 4). Однако чаще судьи указывают на чрезмерную, с их личной точки зрения, суровость минимального предусмотренного наказания за определенные преступления — пожалуй, наиболее показательным и упоминаемым не единожды примером здесь служит статья 228 УК РФ, предусматривающая минимальное наказание в виде восьми лет лишения свободы за сбыт наркотиков в «значительном размере». По словам информантов, нередко за такими преступлениями «стояли молодые люди, зачастую из благополучных семей. Там бывали даже какие-то определенные статусные родители, где родители в обязательном порядке имели высшее образование, дети обучались в высшей школе, они были победителями различных олимпиад» (судья 9). Эта категория подсудимых («закладчики», желающие быстро заработать на нелегальной деятельности) резко контрастирует в глазах судей с «типичным» уголовным преступником из социально неблагополучной среды (люди из категории «украл — выпил — в тюрьму» (судья 4)), и они выражают сожаление, что закон обязывает их назначать очень суровое наказание оступившимся молодым людям. Еще один пример подобной рефлексии — напротив, слишком мягкое наказание за крупные экономические преступления в сравнении, например, с относительно мелкими бытовыми кражами, о чем некоторые судьи говорят не без иронии. Резюмируя словами одного из информантов, «ты не всегда согласен с тем, что законодатель предлагает сделать с человеком, совершившим преступления. И это вызывает раздумья философские. Правильно ли это, соответствует ли установленная законодателем мера ответственности каким-то видам преступлений? Не всегда внутренне получается с этим согласиться» (судья 7).

На этом фоне возникает транслируемое некоторыми информантами представление о судье как члене социетального сообщества, выражающем через свою деятельность традиционные для этого сообщества нормы и ценности, которые, таким образом, в определенном смысле первичны по отношению к праву.

Судья — это в первую очередь тоже человек. (Судья 8)

Русскому человеку вообще тяжело с этим, потому что у нас как бы понятие справедливости, даже исход из нашего мироощущения, оно с законностью тоже не совпадает. Ну, я имею в виду просто не профессиональный взгляд, а ментальность. И судьи же, они берутся из людей, они с другой планеты не прилетают. (Судья 7)

Вот я всегда своим студентам говорю: надо жить по русским пословицам, там ведь мудрость большая наша русская сохранена. (Судья 5)

В целом для многих информантов характерна убежденность в том, что, хотя право и представляет для судьи безусловный авторитет, оно фундаментально отражает более общие и диффузные моральные нормы, характеризующие данную социальную общность.

Кроме того, судья выступает как интерпретатор подчас противоречивых правовых норм, которые могут неоднозначно регламентировать вопросы квалификации

преступления и назначения наказания. Возможности судьи в плане проявления собственной оценки преступления определяет прежде всего категория «судейского усмотрения», связанная с предусмотренными законодателем «вилками» наказания — от минимального до максимального. Надо сказать, что судьи неоднозначно оценивают эту категорию. «На самом деле придумали вот этот термин „судейское усмотрение“. Что туда входит — никто не объяснил» (судья 7). Интерпретируя понятие судейского усмотрения с точки зрения того, насколько оно позволяет судье ориентироваться на собственные моральные представления при определении размера наказания, информанты разделились на две категории. Одни считают, что усмотрение предполагает оговоренную законом ориентацию на личностные характеристики и обстоятельства подсудимого: «Здесь даже не мораль, наверное, имеет значение, здесь закон нас ориентирует [скорее] на личность лица, совершившего преступление, чем на какие-то моральные установки судьи» (судья 10). Другие же полагают, что категория судейского усмотрения дает судье возможность ориентироваться в том числе и на моральные представления: «Наверное, да, должно учитываться — социальная нравственность, нормы морали. Скорее да, чем нет. Да, должно» (судья 1). Так или иначе, судьи видят определенную сложность в этой категории, и это оставляет место различным интерпретациям относительно того, какими именно принципами следует руководствоваться при определении меры наказания.

Эмоциональный характер судейской деятельности

Отвечая на вопросы об эмоциональных составляющих своей работы, все информанты признают, что волей-неволей испытывают личные переживания при рассмотрении дел, причем порой достаточно сильные.

Любое дело, оно тебя, хочешь или не хочешь, затрагивает. Просто нельзя, на мой взгляд, полностью погрузиться в дело, потому что тебе может самому стать нехорошо. (Судья 2)

Наиболее сильные негативные эмоции судьи испытывают при рассмотрении дел, связанных с сексуальными преступлениями против детей. Один из информантов, имея в виду такие дела, вспоминает:

Иногда, бывало, когда сложно было слезы сдерживать, приходилось себя как-то внутренне уговаривать, чуть ли не кусать себя за щеку изнутри или, не знаю, за ляжку себя щипать под столом, чтобы просто хоть какие-то другие эмоции проявились, не разреветься, потому что это тяжело. (Судья 4)

При этом судьи говорят, что испытывают различные эмоции (чаще всего упоминая сочувствие) по отношению к разным участникам процесса — потерпевшим, подсудимым и их родственникам.

Вместе с тем для информантов также характерна некоторая амбивалентность относительно оценки факта переживания судьей эмоций и их возможной роли в вынесении решения. С одной стороны, многие склонны признавать необходимость проявления эмпатии к участникам процесса, в том числе подсудимым.

«В любом, даже плохом, человеке нужно видеть человека», — эту формулу транслируют сразу несколько информантов. Некоторые из них также готовы признать возможность влияния испытываемых судьей эмоций на результат рассмотрения дела: «Поэтому да, любое дело эмоции вызывает, и какое-то влияние, конечно, на принятие решения, наверное, может оказывать» (судья 10). Еще один из информантов признается, что в одном из случаев сочувствие к подсудимой («я очень за бабушку переживал, что у нее инфаркт случится...» (судья 3)) — пожилому человеку, совершившему относительно нетяжкое преступление, — сыграло, наряду с совокупностью предусмотренных законом факторов, роль в назначении наказания «ниже низшего предела», обозначенного в соответствующей статье УК.

Другие же судьи, напротив, особенно подчеркивают важность безучастного рассмотрения дела, обращая внимание на негативную роль эмоций с точки зрения вынесения справедливого приговора. Так, один из информантов рассуждает об этом, привлекая контрпримеры:

Что, собственно, отличать должно судью от обычного человека — нужно абстрагироваться, нужно уметь сохранять холодный рассудок, так скажем, и не вставать кардинально на одну из сторон. То есть из-за сопереживания, допустим, к преступнику иногда судья может допустить роковую ошибку, назначая чрезмерно мягкое наказание, а сочувствуя, порой, жертве преступления, он может тоже, банально растрогавшись этой ситуацией, назначить несправедливо суровое наказание. (Судья 8)

Другой информант говорит и о личной эмоциональной отстраненности от дела:

Личных переживаний — их, наверное, и не должно быть. У меня переживаний [нет], на каждую ситуацию я смотрю со стороны... (Судья 6)

Но, пожалуй, наиболее радикально выражает эту позицию третий:

Если бабушка стояла, инвалидка... Я без зазрения совести... 16 лет назначил, и даже не вздрогнул. Потому что она убила. (Судья 5)

Рутинность и сложность судейской практики

Предваряя непосредственное обсуждение перспектив роботизации правосудия, информантам задавался ряд вопросов, касающихся сложности и рутинности судебной практики. Судьи заявили, что рутинной их деятельность назвать нельзя, поскольку каждое рассматриваемое дело по-своему индивидуально и вызывает у них интерес — профессиональный и личный.

У меня каждое дело вызывает интерес... Ни одно уголовное дело не похоже друг на друга, каждое имеет какие-то особенности личности виновного и особенности совершения преступления. (Судья 6)

Мы порой не читаем художественную литературу, потому что практически каждое уголовное дело представляет собой историю жизни... Каждое дело индивидуально,

события, истории, с которыми мы сталкиваемся ежедневно, они очень разнообразные, интересные порой бывают. (Судья 8)

Один из информантов даже упоминает о страстном увлечении художественной литературой о судебных процессах в качестве причины прихода в профессию судьи.

Такое восприятие обусловлено не в последнюю очередь тем, что информанты в большинстве своем работают с уголовными делами, специфика которых (особенно в рамках первичного рассмотрения — «работы с людьми, а не с текстами судебных решений») вполне способствует подобной оценке. Тем не менее практически все судьи на определенном этапе своей карьеры занимались рассмотрением гражданских и административных дел, которые видятся им гораздо более рутинными, в большой степени связанными с механистической работой.

Есть, конечно, категория дел, которые практически однотипные, но это, как правило, встречается чаще у мировых судей, когда, допустим, налоговая инспекция... Там невозможно принять другое решение, то есть там безусловное взыскание идет. Соответственно, здесь просто меняют имена, адрес, сумму налога и распечатывают... (Судья 7)

Признание наличия подобного пространства «рутинного» правосудия вполне логично приводит к обсуждению перспектив его роботизации, которые обсуждались с судьями в последнем блоке интервью.

Субъектность судьи и перспективы роботизации правосудия

Перед тем как рассмотреть мнения судей о возможной роботизации их деятельности, следует сказать, что все они так или иначе выражают высокую степень удовлетворения своей работой, так как считают должность судьи своего рода вершиной юридической профессии. Такая оценка связана с восприятием роли судьи как актора, непосредственно исполняющего фундаментальную функцию обеспечения правосудия и несущего за это особого рода ответственность. «То есть все равно ты вершишь чужие судьбы людей, от твоей подписи, от принятия того или иного решения зависят судьбы людей» (судья 1). Уже в подобном восприятии собственного профессионального статуса проявляется представление о критической важности судейской субъектности, которое должно находиться в противоречии с перспективами замены живых судей на компьютерные алгоритмы.

Действительно — и вполне ожидаемо — судьи критически оценивают перспективы роботизации судебной системы, причем подобные взгляды связаны как с обыденным пониманием работы компьютерных алгоритмов, так и с апеллированием к важности человеческого опыта в принятии судебного решения и противопоставлении его работе машины. Так, один из информантов, еще в начале разговора (и без явной наводки со стороны интервьюера) рассуждая о важности того, чтобы «видеть человека в каждом человеке», добавляет: «А иначе не получится. Иначе мы будем, как тебе сказать... роботами» (судья 5). Он же впоследствии при обсуждении роботизации поясняет, делая отсылку в том числе и к проблематике

морали: «...любое дело проходит через человеческие переживания, и все люди разные... Робот никогда не заменит человека. С нынешним уровнем моего знания, моего существования, морали, социального подхода — на мой взгляд, нет» (судья 5). Другой судья полагает (и это вполне типичное мнение), что машина не в состоянии учесть все детали, обстоятельства и нюансы конкретного дела, которые может прочувствовать только человек:

Вроде бы все то же, все похоже, но есть какие-то индивидуальные особенности, которые не позволяют квалифицировать единым образом, назначать единое наказание. Тут все-таки нужно... Ну, нельзя так подходить механически — так дела рассматривать нельзя. (Судья 2)

Информанты скептически относятся к способности машины осуществлять правосудие из-за невозможности проявления человеческой эмпатии, а также отсутствия внутреннего ощущения социетальных моральных норм, которое есть у судьи-человека, члена соответствующего сообщества.

Судья, как обычный член общества, может пропустить через себя особенности какие-то противоправного, будем говорить, деяния, понятие общественной опасности. То есть робот — это машина, она не может спрогнозировать, что такое общественная опасность. Как бы себя робот повел в этой ситуации? Робот на это ответить не может. Поэтому такие решения должен все же принимать человек, исключительно человек. (Судья 8)

Согласно этой логике, машина не может быть полноценным судьей из-за невозможности производства универсалистской (моральной) оценки поступка, требующей, с одной стороны, постановки себя на точку зрения (обобщенного) другого, а с другой — оценки степени негативных последствий конкретного деяния в специфической ситуации. Кроме того, один из информантов говорит о сложности потенциального применения роботов по причине того, что они не в состоянии «понять» «плотные», насыщенные в смысловом отношении моральные концепты, лежащие в основе принятия судебного решения:

Принцип интуитивного чувства справедливости того или иного дела. Для понимания этого аспекта робот должен не только понимать понятие дружбы, любви, верности, привязанности, честности, но и испытывать их. А не испытав этих чувств самому, робот не сможет получить тот опыт, на основании которого судья делает выводы. (Судья 6)

Еще один интересный аргумент против роботизации, выдвинутый одним из судей, также связан с пониманием правосудия как социального процесса, сопровождающегося соответствующими процедурами и церемониалом:

Например, сидит робот в процессе. Он же должен на месте судьи сидеть. И начинается: люди приходят, и как он процесс бы вел? Тогда нужно было бы поменять все законодательство? Или как? Просто эти разработчики по внедрению робота, как они это видят? (Судья 1)

Этот же информант говорит о символической важности состязательного судебного процесса: «Судья идет в мантии, то есть это какой-то ритуал торжественности, какую-то серьезность придает» (судья 1). Непонятно, каким образом адаптировать устоявшиеся практики судебного производства под потенциал применения роботов-судей, а также как именно будет осуществляться надзор за принятым решением: «А кто будет ответственен за ошибку робота? Тоже такой интересный вопрос» (судья 3). Интересно, что в нарративе последнего информанта также возникает опасение за собственный профессиональный статус в случае широкого применения роботов-судей, сопряженный с идеей человеческой субъектности: «Хотелось бы, конечно, поработать свое, не остаться без работы из-за участия роботов, все-таки есть надежда, что в нас человечности больше, чем в роботах» (судья 3).

Тем не менее ряд информантов видят перспективы в частичном использовании компьютерных систем в судебном процессе, которые могли бы выполнять ту или иную вспомогательную роль. Среди подобных задач в первую очередь фигурирует обработка больших массивов информации, в том числе систематизация правовых норм, регламентирующих рассмотрение того или иного случая. Это позволило бы судье сосредоточиться на содержательном рассмотрении дела, избегая при этом ошибок в правоприменении из-за невнимательности к определенным нормам законодательства, с которыми потом приходится работать вышестоящим инстанциям.

Алгоритм все-таки нам бы был неплохим подспорьем... Дело в том, что есть определенные ограничения, допустим, при назначении наказания при совершении конкретного преступления. Как-то за неоконченное преступление санкция не может превышать половину максимального срока или размера наказания, предусмотренного за такое преступление... Алгоритм смог бы математически просчитать вот тот диапазон наказания, в котором действовал бы судья по своему судейскому усмотрению. (Судья 8)

Другая область потенциального применения алгоритмов связана с упомянутыми выше рутинными процессами административного и гражданского производства. В них информанты видят больше возможностей для формализованного прохода, поскольку «там судьи тоже считают эти формулы» (судья 3).

В уголовном процессе таких вопросов мало на самом деле, потому что у нас слишком все вариативно и слишком много переменных, которые должны быть оценены судьей по внутренним убеждениям. А вот в каких-то других делах, в административном, гражданском судопроизводстве, в арбитражном... большинство вопросов спокойно будет разрешать компьютер. (Судья 4)

Таким образом, судьи, признавая возможность использования роботов в качестве технических помощников (и даже в некоторой степени желая этого), а также позитивно оценивая потенциал их внедрения в производство типовых формализуемых решений наподобие штрафов, оставляют за собой фундаментальное право определения виновности и назначения наказания в более сложных — и в большинстве своем более морально нагруженных — уголовных делах.

Обсуждение и выводы

На основании анализа собранных интервью можно сделать ряд основных выводов, соотносящихся с обозначенными ранее ключевыми исследовательскими вопросами.

Несмотря на то что судьи едины во мнении относительно главенствующего характера закона и его безусловного приоритета в своей деятельности, все они так или иначе признают, что при определении степени вины и назначении наказания ориентируются и на моральные нормы, которые не всегда прямым и очевидным образом соотносятся с правом. Это напряжение проявляется, с одной стороны, в наличии явной рефлексии судей о соотношении права и «справедливости» и относительно легком указании на проблематичные в этом отношении кейсы. С другой — в неоднозначной трактовке категории судейского усмотрения, которая, с точки зрения ряда информантов, допускает возможность ориентации в том числе на социетальные моральные нормы, выходящие за пределы закона. Тем не менее для информантов в целом характерно убеждение, что в праве так или иначе заложены ключевые моральные нормы данного сообщества, а судья, будучи его членом, обладает возможностью осуществлять правоприменение исходя в том числе из своего понимания категории морального.

Кроме того, судьи также практически единодушно говорят об эмоциональном вовлечении в рассмотрение дел, часто испытывая сочувствие по отношению к участникам процесса. Однако они заметно различаются в оценке того, насколько приемлемо влияние эмоций на принятие решения: если одни подчеркивают необходимость «холодного», безучастного рассмотрения дела и говорят о судье как человеке, которому следует абстрагироваться от собственных эмоций, то другие допускают, что эмоциональная реакция — эмпатия, сострадание и т. п., — так или иначе способна сыграть определенную роль в вынесении решения.

Таким образом, «академические» дебаты относительно соотношения права и морали (в ее когнитивном, нормативном и эмоциональном измерениях) находят свое отражение и в дискурсе практикующих судей, в чьих взглядах можно отыскать определенное соответствие теоретическим позициям — таким как теории справедливости [Rawls, 1971], этический рационализм [Kohlberg, 1981] или эмотивизм [Tangney et al., 2007]. Впрочем, едва ли можно утверждать, что судьи четко склоняются к какой-либо из этих аналитических концепций; скорее, общим в их представлениях является видение правосудия как человеческого и социального процесса, в котором в той или иной степени выражаются категории права, морали и эмпатии.

Из этого вполне логично вытекает критическое отношение судей к идее роботизации правосудия и вынесения решений при помощи формализованных алгоритмов. Судьи полагают, что машина никогда не сможет полностью заменить человека, поскольку ей недоступно осознание всей сложности правовых и моральных понятий, а также обстоятельств совершения конкретного деяния и личностной ситуации подсудимого. С их точки зрения, без некоего целостного, человеческого ощущения ситуации и субъективной интерпретации нормативных принципов правосудие как таковое невозможно. Тем не менее судьи видят перспективы вспомогательного применения формализованных алгоритмов для облегчения своей деятельности (в том числе уменьшения доли ошибок в правоприменении), что оставляло бы судье возможность рассматривать обстоятельства дела по существу и выносить решение,

исходя из своего усмотрения. Наконец, информанты не видят серьезных проблем в полной замене судьи на алгоритм в определенных областях права, связанных с производством большого количества однотипных и безусловно выносимых решений — там, где состязательный судебный процесс, по сути, отсутствует.

Заключение

В данной работе предпринята попытка изучить точку зрения судей на проблему соотношения права и морали в их профессиональной деятельности, а также, в контексте этой проблемы, проанализировать их взгляды на перспективы роботизации судебной системы. Несмотря на очевидные ограничения относительно небольшого качественного исследования, мы надеемся, что полученные результаты позволят, с одной стороны, углубить научные представления о природе правовых и моральных норм через обращение к их непосредственному проявлению в процессе осуществления правосудия, а с другой — послужат важным дополнением к обсуждению концептуальных проблем и технических вопросов роботизации вынесения нормативных оценок обоих видов.

Список литературы (References)

Абрамов Р. Н. Обыденное и научное знание в исследованиях профессий и профессионализма: историко-теоретический анализ // Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации / отв. ред.: И. Ф. Девятко, Р. Н. Абрамов, И. В. Катерный. М.: Прогресс-Традиция, 2015. С. 246—309.

Abramov R. N. (2015) Ordinary and Scientific Knowledge in the Studies of Professions and Professionalism: A Historical and Theoretical Analysis. In: *Ordinary and Scientific Knowledge about Society: Mutual Influences and Reconfigurations*. Moscow: Progress-Tradition. P. 246—309. (In Russ.)

Абрамов Р. Н., Быков А. В. Мир профессий в контексте труда и занятости: пандемическое и цифровое вертиго // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 4—20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.2001>.

Abramov R. N., Bykov A. V. (2021) The World of Professions in the Context of Work and Employment: Pandemic and Digital Vertigo. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 4—20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.2001>. (In Russ.)

Шевчук А. В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020 Т. 32. № 1. С. 30—54. <https://www.doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-30-54>.

Shevchuk A. V. (2020) From Factory to Platform: Autonomy and Control in the Digital Economy. *Sociology of Power*. Vol. 32. No. 1. P. 30—54. <https://www.doi.org/10.22394/2074-0492-2020-1-30-54>. (In Russ.)

Штейнберг И. Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиокопная» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 38. С. 38—71.

- Steinberg I. E. (2014) Logical Schemes of Sample Justification for Qualitative Interviews: An “Eight-Window” Model. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 38. P. 38—71. (In Russ.)
- Baez S., Patiño-Sáenz M., Martínez-Cotrina J., Aponte D. M., Caicedo J. C., Santamaría-García H., Pastor D., González-Gadea M. L., Haissiner M., García A. M., Ibáñez A. (2020) The Impact of Legal Expertise on Moral Decision-Making Biases. *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 7. 103. <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00595-8>.
- Benson B. L. (1988) Legal Evolution in Primitive Societies. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. Vol. 144. No. 5. P. 772—788.
- Bigelow M. M. (1905) Definition of Law. *Columbia Law Review*. Vol. 5. No. 1. P. 1—19.
- Bokányi E., Hannák A. (2020) Understanding Inequalities in Ride-Hailing Services through Simulations. *Scientific Reports*. Vol. 10. 6500. <https://doi.org/10.1038/s41598-020-63171-9>.
- Branting L. K., Pfeifer C., Brown B., Ferro L., Aberdeen J., Weiss B., Pfaff M., Liao B. (2021) Scalable and Explainable Legal Prediction. *Artificial Intelligence and Law*. Vol. 29. P. 213—238. <https://doi.org/10.1007/s10506-020-09273-1>.
- De Freitas J., Johnson S. (2018) Optimality Bias in Moral Judgment. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 7. P. 149—163. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3062209>.
- Dietvorst B. J., Simmons J. P., Massey C. (2015) Algorithm Aversion: People Erroneously Avoid Algorithms After Seeing Them Err. *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 144. No. 1. P. 114—126. <http://dx.doi.org/10.1037/xge0000033>.
- Dworkin R. (1986) *Law’s Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press, Belknap Press.
- Frank D. A., Chrysochou P., Mitkidis P., Ariely D. (2019) Human Decision-Making Biases in the Moral Dilemmas of Autonomous Vehicles. *Scientific Reports*. Vol. 9. 13080. <https://doi.org/10.1038/s41598-019-49411-7>.
- Fuller L. (1969) *The Morality of Law*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Gilligan C. (1982) *In a Different Voice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Greene J. D. (2013) *Moral Tribes: Emotion, Reason and the Gap between Us and Them*. New York, NY: The Penguin Press.
- Haidt J. (2008) Morality. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 3. No. 1. P. 65—72. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6916.2008.00063.x>.
- Hart H. L. A. (2012) *The Concept of Law*. Oxford: Oxford University Press.
- Hitlin S., Vaisey S. (2013) The New Sociology of Morality. *Annual Review of Sociology*. Vol. 39. P. 51—62. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071312-145628>.
- Bonnefon J. F., Shariff A., Rahwan I. (2016) The Social Dilemma of Autonomous Vehicles. *Science*. Vol. 352. P. 1573—1576.

Kohlberg L. (1981) *The Philosophy of Moral Development: Moral Stages and the Idea of Justice*. San Francisco, CA: Harper & Row.

Lo Piano S. (2020) Ethical Principles in Machine Learning and Artificial Intelligence: Cases from the Field and Possible Ways Forward. *Humanities and Social Sciences Communications*. Vol. 7. No. 9. <https://doi.org/10.1057/s41599-020-0501-9>.

Medvedeva M., Vols M., Wieling M. (2020) Using Machine Learning to Predict Decisions of the European Court of Human Rights. *Artificial Intelligence and Law*. Vol. 28. P. 237—266. <https://doi.org/10.1007/s10506-019-09255-y>.

Moka-Mubelo W. (2017) *Reconciling Law and Morality in Human Rights Discourse Beyond the Habermasian Account of Human Rights*. Springer. <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-319-49496-8>.

Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Sert M. F., Yıldırım E., Haşlak İ. (2021) Using Artificial Intelligence to Predict Decisions of the Turkish Constitutional Court. *Social Science Computer Review*. <https://doi.org/10.1177/08944393211010398>.

Shariff A., Bonnefon J. F., Rahwan I. (2017) Psychological Roadblocks to the Adoption of Self-Driving Vehicles. *Nature Human Behaviour*. Vol. 1. P. 694—696. <https://doi.org/10.1038/s41562-017-0202-6>.

Tangney J. P., Stuewig J., Mashek D. J. (2007) Moral Emotions and Moral Behavior. *Annual Review of Psychology*. Vol. 58. P. 345—372. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.56.091103.070145>.

Thomas A., Sangeetha S. (2021) Semi-supervised, Knowledge-Integrated Pattern Learning Approach for Fact Extraction from Judicial Text. *Expert Systems*. Vol. 38. e12656. <https://doi.org/10.1111/exsy.12656>.

Travers M. (1993) Putting Sociology Back into the Sociology of Law. *Journal of Law and Society*. Vol. 20. No. 4. P. 438—451.

Tsamados A., Aggarwal N., Cows J., Morley J., Roberts H., Taddeo M., Floridi L. (2021) The Ethics of Algorithms: Key Problems and Solutions. *AI & Society*. <https://doi.org/10.1007/s00146-021-01154-8>.

Turiel E. (1983) *The Development of Social Knowledge: Morality and Convention*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wald P.M. (1986) The Role of Morality in Judging: A Woman Judge's Perspective. *Law & Inequality: A Journal of Theory and Practice*. Vol. 4. No. 1. P. 3—15.

Waldron J. (2009) Judges as Moral Reasoners. *International Journal of Constitutional Law*. Vol. 7. No. 1. P. 2—24. <https://doi.org/10.1093/icon/mon035>.

Završnik A. (2021) Algorithmic Justice: Algorithms and Big Data in Criminal Justice Settings. *European Journal of Criminology*. Vol. 18. No. 5. P. 623—642. <https://doi.org/10.1177/1477370819876762>.

Приложение. Гайд полуструктурированного интервью

Вопросы об информанте:

Расскажите, пожалуйста, о Вашем профессиональном пути. Где Вы работаете сейчас, и как Вы пришли к Вашей текущей должности?

С судебными делами какого рода Вы работаете? (*Уголовные, гражданские и т.д.*) Судебные дела какого характера встречаются в Вашей работе чаще? (*Кражи, мошенничество и т.д.*) Как Вы думаете, почему?

«Ненормативные» источники принятия решения:

Кого Вы чаще видите на скамье подсудимых? Можете, пожалуйста, описать портрет этого человека? (*При необходимости: уточняющие вопросы: какого он пола, возраста? Есть ли у него дети?*) Можете ли Вы сказать по своему опыту, что сподвигло этого человека на совершение преступления? Какие мотивы Вы встречаете чаще всего? Как Вы думаете, почему именно эти мотивы?

Случалось ли такое, что судебное дело вызывало у Вас личные переживания? Можете вспомнить, пожалуйста, такую ситуацию и описать ее? (*При необходимости: какие чувства Вы испытывали? Сострадание? Злость? Грусть?*) Как Вы считаете, часто ли у Вас случаются подобные ситуации во время работы?

Как Вы думаете, отражаются ли Ваши переживания на Вашей работе? Влияют ли они на то, как Вы смотрите на судебное дело? А на вынесенный приговор?

Мораль как источник принятия решения:

Как Вы считаете, обращаетесь ли Вы к Вашим личным моральным ценностям в рамках работы? Если нет, то почему? Если да, то для каких целей?

Сталкивались ли Вы лично с ситуациями, когда во время судебного разбирательства то, что было бы верно согласно закону, вступало в противоречие с Вашими личными ценностями и убеждениями? Если да, то как Вы поступали в таких случаях?

Роботизация судебной системы:

Можете ли Вы назвать свою работу рутинной? Почему? Если да, то что в Вашей работе можно было бы автоматизировать? А что — нельзя?

Слышали ли Вы об инициативе по внедрению роботов-судей? Что Вы слышали? (*Если не слышал или имеющейся информации недостаточно для создания контекста, рассказать информанту об этих исследованиях*). Что Вы по этому поводу думаете?

Как Вы считаете, почему такая идея появилась? Роботы-судьи могут быть полезны? Если да, то в чем? Если нет, то почему? Видите ли Вы какие-то негативные последствия такой инициативы? Если да, то какие? Если нет, то почему?

В Аргентине состоялся эксперимент по внедрению роботов-судей. Приложение сопоставляет обстоятельства дела с наиболее подходящими решениями в своей базе данных — и это позволяет программе примерно за 10 секунд угадать, какое будет решение суда. Далее это решение проверялось действующими судьями — в 100% случаев они были согласны с программой. Что Вы думаете по этому поводу?

Как Вы считаете, в будущем роботы могли бы полностью заменить судей?